

Спасский А. А. Первая лекция по кафедре общей церковной истории [в марте 1896 г. об архиеп. Филарете Гумилевском, прот. А. В. Горском и проф. А. П. Лебедеве как преподавателях церковной истории] // Богословский вестник 1903. Т. 1. № 2. С. 278–296 (2-я пагин.).

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ ПО КАФЕДРѢ ОБЩЕЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ ¹⁾.

Приступая къ исполненію своихъ новыхъ обязанностей, въ качествѣ преподавателя древней церковной исторіи, я невольно оглядываюсь назадъ, на тѣхъ „знаменитыхъ мужей“, голосъ которыхъ нѣкогда раздавался съ этой кафедры и раскрывалъ истину прошлыхъ судебъ Церкви. И я не вижу другого, болѣе достойнаго и возвышеннаго предмета, которому я съ такою же готовностію могъ бы посвятить свою первую лекцію, какъ только доброе слово объ ученыхъ заслугахъ этихъ мужей на поприщѣ русскаго богословскаго просвѣщенія,—заслугахъ, составляющихъ блестящую страницу въ исторіи нашей Академіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезъ это самое я хочу исполнить и тотъ долгъ, какимъ обязанъ преемникъ въ отношеніи къ своимъ предшественникамъ.

Каждое, болѣе или менѣе самостоятельное и непрерывно дѣйствующее, учрежденіе имѣетъ свои традиціи и свою опредѣленную фізіономію. Какъ духовная жизнь отдѣльнаго человѣка питается запасомъ, накопляемымъ въ теченіи многихъ годовъ и хранящимся въ душѣ въ видѣ убѣжденій, познаній, уроковъ опыта и привычекъ, такъ и въ жизни цѣлаго учрежденія существуютъ свои излюбленныя преданія, свои навыки и воспоминанія, переходящія отъ поколѣнія къ поколѣнію и выражающія собой особенности его духовнаго существа. Къ числу такихъ дорогихъ преданій и

¹⁾ Произнесена въ 1896 г. въ Мартѣ мѣсяцѣ, печатается безъ всякихъ перемѣнъ, за исключеніемъ цѣнать, ваятыхъ изъ книгъ, появившихся послѣ 1896 г.

особенностей того ученаго учрежденія, къ которому мы имѣемъ честь принадлежать, относится та ревность, съ какою здѣсь съ давнихъ поръ изучалась церковная исторія, и то высокое научное достоинство, въ какомъ велось это изученіе. Недавно одно вполне компетентное въ данномъ случаѣ лицо, — имя его я не буду называть, такъ какъ вы сами тотчасъ же откроете его, — во всеуслышаніе заявило, что „Московскую духовную Академію, по господствующему въ ней ученому духу, съ полнымъ правомъ можно именовать Академіей церковно-исторической науки“ ¹⁾. И, дѣйствительно, русская церковно-историческая наука зародилась *здесь*, въ нашей Академіи, и ея колыбелью служила эта каедрѣ; здѣсь она была вскормлена, поставлена на ноги и выведена на свѣтъ Божій; отсюда же она получала и тѣ необходимыя подкрѣпленія, которыя помогали ей неуклонно идти впередъ, не шатаясь изъ стороны въ сторону на своихъ еще недостаточно твердыхъ ногахъ.

Цѣлый рядъ дѣятелей, съ успѣхомъ трудившихся на молодой нивѣ православно-церковно исторической науки, вышелъ изъ этихъ стѣнъ и воспитался въ тѣсномъ союзѣ съ ними, но надъ удобреніемъ этой нивы, надъ уходомъ за ней работала главнымъ образомъ триада ученыхъ, преемственно смѣнявшихъ другъ друга на этой каедрѣ. Я разумѣю хорошо извѣстныя вамъ имена — Филарета Гумилевскаго, А. В. Горскаго и А. П. Лебедева. Изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ по профессіи я избираю и хочу остановиться только на этой триадѣ, такъ какъ названныя лица обозначаютъ собою какъ бы три различныхъ стадій въ развитіи церковно-историческихъ занятій въ нашей Академіи и такъ какъ ихъ именно талантамъ эти занятія обязаны тѣмъ успѣхомъ, какого они достигли въ настоящее время.

Имя Филарета Гумилевскаго стоитъ при самомъ началѣ. при самомъ зарожденіи этихъ успѣховъ. Его дѣятельность на каедрѣ церковной исторіи относится еще къ тому періоду внутренней жизни Академіи, когда эта наука держалась въ черномъ тѣлѣ и входила въ кругъ предметовъ второстепенныхъ. Въ системѣ академическаго курса она занимала

¹⁾ А. П. Лебедевъ.

приблизительно такое же положеніе, какое теперь выпадаетъ на долю новыхъ языковъ, съ тѣмъ, однако, существеннымъ различіемъ, что экзаменаціонный баллъ по новому языку все-же принимается во вниманіе, хотя только въ особенныхъ случаяхъ (именно, въ случаѣ равенства всѣхъ прочихъ балловъ), тогда какъ баллъ по предмету второстепенному ровно не имѣлъ никакого значенія. Въ тѣ блаженныя времена можно было получить единицу на экзаменѣ по церковной исторіи, и не смотря на то сохранить за собою первое мѣсто въ разрядномъ спискѣ. Сами преподаватели смотрѣли на церковную исторію, какъ на науку побочную, не стоящую серьезнаго вниманія, и если, по волѣ начальства, всходили на эту кафедру, то лишь за тѣмъ, чтобы при первой возможности оставить ее. Такъ, наприм., за время отъ 1814 года,—года учрежденія въ академіяхъ особой церковно-исторической кафедры, по 1832-й годъ, т. е. менѣе, чѣмъ въ теченіи 16-ти лѣтъ, успѣло перебыть на ней до семи лицъ ¹⁾. Понятно, что при такой частой смѣнѣ профессоровъ нашей науки, изученіе ея не могло приобрести устойчиваго и глубокаго характера: оно стояло ниже успѣховъ любой теперешней семинаріи и не всегда возвышалось даже до уровня тогдашняго учебника Иннокентія, теперь уже всѣми забытаго. Когда Филаретъ, — впоследствии митроп. Московскій, а тогда архіеписк. Тверской,—въ 1820-мъ году подводилъ итоги своей тройной ревизіи учебнаго дѣла нашей Академіи, онъ писалъ о церковной исторіи слѣдующее: „классъ церковной исторіи, — говорилъ онъ въ отчетѣ, — не простеръ своихъ изысканій далѣе учебной книги (т. е. Иннокентія), но симъ руководствомъ достаточнѣе онъ воспользовался въ нынѣшнемъ, чѣмъ въ предыдущемъ учебномъ курсѣ“ ²⁾.

Филаретъ Гимилевскій также принадлежалъ къ числу перелетныхъ птицъ на церковно-исторической кафедрѣ того времени. Какъ лицо монашествующее, котораго ожидало высшее административное назначеніе, а не скромная доля преподавателя второстепеннаго академическаго предмета, Филаретъ занималъ эту кафедру только въ теченіи полуторыхъ

¹⁾ Истор. Москов. Духов. Академіи стр. 393. 394.

²⁾ Ibid. стр. 183.

годовъ—съ сентября 1830-го года по январь 1832 г.,—когда онъ былъ повышенъ на лѣстницѣ служебныхъ отношеній, т. е. переведенъ съ церковной исторіи на классъ Св. Писанія и затѣмъ, на нравственное и пастырское богословіе. Полуторагодичный срокъ—періодъ, конечно, слишкомъ ограниченный для того, чтобы можно было сдѣлать что-нибудь въ такой обширной наукѣ, какъ церковная исторія, и не онъ даетъ право Филарету на почетное мѣсто и добрую память въ ходѣ развитія церковно-историческихъ занятій въ нашей Академіи. Филаретъ заслуживаетъ нашего вниманія не какъ профессоръ исторіи, а какъ ученый, глубоко симпатизировавшій этой наукѣ и положившій много труда на ея изученіе. Чтобы полюбить науку, отдаться ея разработкѣ, для этого необходимо понять ея значеніе, проникнуться ея интересами, сознать жизненность ея задачъ. И если теперь избирающій ту или другую науку для спеціальнаго изученія часто слѣдуетъ соображеніямъ случайнымъ и постороннимъ, въ отношеніи къ самой наукѣ, то тѣмъ почтеннѣе память Филарета, такъ какъ онъ былъ прямо піонеромъ церковно-историческихъ занятій въ нашей Академіи. Заслуга Филарета состоитъ въ томъ, что, не смотря на подчиненное и второстепенное положеніе, какое занимала церковная исторія въ его время, онъ обратился своими симпатіями именно къ ней, сдѣлалъ ее одною изъ своихъ спеціальностей и, какъ человѣкъ, вліятельный въ академической жизни, своею личностію и трудами содѣйствовалъ подъему интереса къ ней.

Самостоятельная работа надъ церковно-историческими вопросами была начата Филаретомъ еще на студенческой скамьѣ; курсовое (т. е. теперешнее кандидатское) сочиненіе онъ писалъ на тему, относящуюся къ области нашей науки, именно: „о духѣ и свойствахъ христіанскаго мученичества“. Этотъ первый опытъ его оказался не совѣмъ удачнымъ; конференція Академіи, правда, признала его сочиненіе выдающимся и назначила его къ публичному чтенію, за которымъ должно было послѣдовать напечатаніе, но митроп. Филаретъ, самъ предварительно просматривавшій сочиненія, одобренныя Академіей къ напечатанію, написалъ на немъ такую резолюцію: „разсужденіе о мученичествѣ безконечно обширно и какъ въ отношеніи къ логикѣ, такъ и

въ отношеніи словесности слабо. Это принужденное скопленіе словъ и выраженій, историческихъ обстоятельствъ и выписокъ, а не систематическое произведеніе ума, котораго бы всѣ части были направлены къ опредѣленной цѣли“. — Неудача перваго опыта, такъ и оставшагося, — на сколько я знаю,—ненапечатаннымъ, ни мало не ослабила энергіи Гумилевскаго къ дальнѣйшему изученію церковной исторіи. О его лекціяхъ извѣстно, что, вопреки установившемуся обычаю, онъ не любилъ стѣснять себя учебникомъ Иннокентія, дополняя его свѣдѣніями, добытыми самостоятельнымъ трудомъ. Оставивши церковно-историческую кафедру и быстро двигаясь по лѣстницѣ академическихъ должностей, Филаретъ не забылъ науку, привлекущую его первыя симпатіи, и будучи ректоромъ Академіи, продолжалъ самъ заниматься ею, и другихъ побуждалъ къ ея разработкѣ. Вообще ректорство Филарета, продолжавшееся 6 лѣтъ, оказало глубокое вліяніе не только на развитіе церковно-историческихъ занятій, но и на всю умственную жизнь нашей Академіи. Оно было началомъ новой ея эпохи, въ которую прежнее отвлеченно-формальное, схоластическое направленіе преподаванія постепенно замираетъ и уступаетъ мѣсто новому историческому теченію, направленному къ приобрѣтенію положительныхъ знаній.

Солиднымъ памятникомъ работъ Филарета въ области общей церковной исторіи и явилась знакомая каждому русскому богослову его книга „Историческое ученіе объ отцахъ Церкви“, составленная еще во время его ректорства въ Академіи, но изданная позднѣе, когда Филаретъ облеченъ былъ уже саномъ самостоятельнаго архіерея.

Остановимся на минуту на этой книгѣ; какъ плодъ неофициальныхъ занятій, она замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Будучи посвящена изученію обширнѣйшаго отдѣла исторіи Церкви, теперь выдѣленнаго въ особую науку, т. е. патристику, но въ то время принадлежавшаго еще церковно-исторической кафедрѣ, эта книга должна раскрыть намъ уровень развитія нашей науки, должна показать намъ, какъ тогда понимали исторію, какія задачи возлагали на нее и какъ ихъ осуществляли? Принимаясь за свой трудъ, Филаретъ ясно сознавалъ важность предлежавшаго ему дѣла; его собственные планы были широки и возвышенны, и его

воззрѣніе на исторію святоотеческой литературы — вполне научно. Филаретъ требуетъ строгой провѣрки свѣдѣній, дошедшихъ до насъ относительно жизни и твореній св. отцовъ, провозглашаетъ полное право критическаго начала и послѣдовательно его примѣняетъ. „Значеніе исторической науки, говоритъ онъ въ введеніи, требуетъ, чтобы свѣдѣнія ея были не только вѣрны, но и отчетливы“ ¹⁾, т. е. чтобы они были ограждены свидѣтельствами прочными. Но онъ не хочетъ при этомъ вдаваться въ излишній критицизмъ и оставлять читателя при одномъ сухомъ матеріалѣ; онъ, напротивъ, намѣревался дать ни болѣе, ни менѣе, какъ характеристики церковныхъ писателей, указать ихъ отличительныя черты и раскрыть связь ихъ твореній и ученія съ современными имъ историческими обстоятельствами. „Исторія лицъ, замѣчаетъ онъ, безъ личныхъ характеровъ не есть исторія лицъ, а безцвѣтная исторія какого-то незнаемаго лица“ ²⁾. Въ историческомъ ученіи объ отцахъ Церкви характеристики послѣднихъ тѣмъ необходимѣе, что ихъ личныя свойства отразились на литературныхъ трудахъ и богословскихъ воззрѣніяхъ. „Отцы Церкви, говоритъ Филаретъ, не могли такъ отрѣшиться отъ духа своего времени, какъ отрѣшены были апостолы“ ³⁾. Отсюда и историку святоотеческой письменности надлежитъ — выдѣлить въ твореніяхъ отцовъ временный элементъ отъ вѣчнаго и указать ихъ взаимодѣйствіе. Такимъ временнымъ, историческимъ элементомъ въ ученіи отцовъ Филаретъ признаетъ „общее направленіе умовъ и нравовъ своего времени“, лучшія мысли современной отцамъ философіи, состояніе человѣческаго образованія въ данную эпоху ⁴⁾ и даже политическія обстоятельства“, среди которыхъ протекала дѣятельность св. отцовъ ⁵⁾.— Такова въ короткихъ словахъ программа, начертанная Филаретомъ самому себѣ; повторю еще разъ, что она обширна и можетъ удовлетворить самымъ строгимъ запросамъ науки.

Спрашивается: насколько же удачно Филаретъ осуществилъ свою программу?

¹⁾ Историческое ученіе объ оо. Церкви, 1, 20 (предисл.).

²⁾ Тамже.

³⁾ Тамже, стр. 25.

⁴⁾ Тамже.

⁵⁾ Тамже, стр. 26.

Къ сожалѣнiю, я долженъ заявить, что осуществленiе программы стоитъ гораздо ниже самой программы; я ни мало не намѣренъ унижать научное достоинство труда Филарета; я охотно признаю, что, не смотря на крупныя успѣхи, сдѣланная наукой въ послѣднее полстолѣтiе, книга Филарета далеко не потеряла своего значенiя; думаю даже, что еще долго она останется незамѣненной въ нашей богословской литературѣ. Тѣмъ не менѣе она не отвѣчаетъ своимъ собственнымъ задачамъ; критическiй элементъ въ ней не вездѣ твердъ; живыхъ характеристикъ св. отцовъ въ ней совѣмъ нѣтъ; взаимнѣе ихъ она даетъ лишь перечень главныхъ фактовъ ихъ жизни, нѣчто въ родѣ послужнаго ихъ списка; историческая точка зрѣнiя не выдержана, и вмѣсто исторiи святоотеческой письменности, опредѣляющей ея поступательное движенiе, эпохи подъема и упадка, мы видимъ святоотеческiй архивъ, гдѣ всѣ документы замѣчательно похожи одинъ на другой.

Отчего это произошло? Отчего Филарету не удалось выполнить своей программы?—Мнѣ кажется, что помимо широты и естественной трудности выполненiя предположенной Филаретомъ программы, на недостатки его книги повлiяли главнымъ образомъ двѣ причины, изъ которыхъ одна лежала въ особенностяхъ его литературнаго таланта, а другая—въ общихъ условiяхъ тогдашняго времени. Умъ Филарета воспитался на изученiи источниковъ, на кропотливомъ изслѣдованiи оригинальныхъ памятниковъ, развился въ работѣ сухой и мелкой; широкiя обобщенiя и творческiй синтезъ, необходимый при воссозданiи характера того или другого историческаго лица, были ему несвойственны; эта задача была не въ его духѣ. Оттого-то и его ученiе объ отцахъ Церкви явилось трудомъ кропотливымъ, сжатымъ и очень точнымъ, но безжизненнымъ, напоминающимъ по своей внѣшней формѣ протоколь, а не исторiю лицъ. О другой причинѣ, обусловившей отмѣченныя черты его труда, я скажу ниже.

Когда Филаретъ Гумилевскiй, въ должности ректора, собиралъ материалы для своего будущаго сочиненiя объ отцахъ Церкви, внутри Академiи уже блестяще дѣйствовалъ его

знаменитый преемникъ на церковно-исторической кафедрѣ А. В. Горскій. Горскій былъ ученикомъ и близкимъ другомъ Филарета, но далеко оставилъ позади себя своего учителя. То, что Филарету предносилось какъ *pium desiderium*, какъ желательная, но трудно осуществимая мечта, то у Горскаго перешло въ жизнь, стало дѣйствительностію.

Горскій былъ первымъ церковнымъ историкомъ въ строгомъ и истинномъ смыслѣ этого слова, и ему преимущественно наша Академія обязана тѣмъ широкимъ развитіемъ какое нашли въ ней церковно-историческія занятія. Всѣмъ извѣстно, что Горскій оказалъ глубокое вліяніе на внутреннюю жизнь нашей Академіи, а въ отношеніи къ наукѣ это вліяніе глубже всего сказалось на церковной исторіи, которую онъ читалъ въ продолженіи цѣлыхъ 30-ти лѣтъ.

Начавши съ устраненія принятаго учебника Иннокентія и замѣны его собственными записками, онъ постепенно переработалъ всѣ отдѣлы своей обширной науки и, можно сказать, впервые и самостоятельно создалъ у насъ эту науку. Къ сожалѣнію, образъ Горскаго, какъ профессора церковной исторіи, не можетъ быть воспроизведенъ мною съ надлежащей обстоятельностью. По какимъ то страннымъ причинамъ, сохранившіяся еще лекціи Горскаго по общей церковной исторіи остались ненапечатанными. Пять—шесть его сочиненій, относящихся къ нашей наукѣ и напечатанныхъ въ прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ, по общему отзыву учениковъ Горскаго, не даютъ понятія о немъ, какъ церковномъ историкѣ. Въ свое время, впрочемъ, и эти сочиненія вызывали восторженные отзывы и производили на читателей сильное впечатлѣніе. Такъ, наприм., извѣстный профессоръ Московскаго университета Погодинъ, прочитавши составленную Горскимъ біографію Аванасія Александрійскаго, сказалъ, что подобныхъ сочиненій не бывало не только въ русской литературѣ, но и въ западной. Погодинъ, конечно, преувеличилъ дѣло во второй половинѣ своего отзыва, и хотя въ первой половинѣ его онъ былъ правъ, но всетаки оцѣнивать значеніе Горскаго по его печатнымъ трудамъ было бы обидно для его высокой памяти. Такимъ образомъ главнаго матеріала для сужденія о Горскомъ, какъ историкѣ, не имѣется въ моемъ распоряженіи, и потому въ дальнѣйшей своей рѣчи о немъ я по необходимости долженъ до-

вольствоваться тѣми немногими свѣдѣніями о немъ, какія разбросаны въ воспоминаніяхъ его различныхъ учениковъ.

Что же такое представлялъ собою Горскій, какъ профессоръ церковной исторіи?

Прежде всего въ Горскомъ нужно отмѣтить его необычайную, поразительную ученость. Это была какая-то ходячая, живая энциклопедія всевозможныхъ богословскихъ свѣдѣній, у которой можно было въ какое угодно время добыть не только короткій отвѣтъ, но и самую подробную справку по любому вопросу. Энциклопедизмъ Горскаго отчасти объясняется уже его специальностію: онъ изучалъ и преподавалъ всю церковную исторію, во всемъ ея объемѣ, т. е. не только исторію древней Церкви, но и библейскую исторію, исторію западныхъ исповѣданій, исторію русской Церкви и, первые годы, даже патристику. Если и теперь отъ историка Церкви требуется масса познаній, не относящихся прямо къ его предмету, то сколько же ихъ требовалось отъ Горскаго, единично выполнявшаго обязанности, распредѣленные теперь между пятью самостоятельными кафедрами. Энциклопедизмъ Горскаго былъ, значить, въ порядкѣ вещей, но главнымъ образомъ онъ зависѣлъ отъ выдающейся памяти, какою онъ обладалъ, и примѣрнаго трудолюбія. Горскій много работалъ, много читалъ и все помнилъ. Онъ въ совершенствѣ изучилъ иностранную литературу по своему предмету, но онъ не былъ только начитаннымъ человѣкомъ: какъ самостоятельный и солидный ученый, онъ прекрасно былъ знакомъ съ источниками своей науки, изслѣдовалъ и зналъ ихъ въ мельчайшихъ подробностяхъ. Мы и теперь можемъ еще своими глазами видѣть слѣды этого неутомимаго трудолюбія перваго церковнаго историка нашей Академіи. Я имѣю въ виду, во-первыхъ, бібліотеку Горскаго, въ которой собрано все, болѣе или менѣе стоящее вниманія, что вышло въ русской и иностранной печати за время его профессуры, и которая вся перечитана имъ, и, во-вторыхъ, тѣ многочисленныя и иногда въ высшей степени цѣнныя замѣчанія, какія разсѣяны рукою Горскаго на поляхъ изданій различныхъ памятниковъ церковной литературы, имѣющихся въ нашей бібліотекѣ. Позволю себѣ сослаться на собственный опытъ: когда мнѣ нужно было, при составленіи кандидатскаго и, затѣмъ, ма-

гистерскаго сочиненія, самостоятельно знакомиться со многими и притомъ мало извѣстными памятниками древне-церковной письменности и разыскивать въ нихъ иногда только двѣ или три строчки, мнѣ въ этихъ работахъ нѣсколько разъ помогаль Горскій своими отмѣтками, и я могу засвидѣтельствовать, что не я одинъ пользовался такою помощью. Эти отмѣтки Горскаго, конечно, мелкаго, узко-спеціальнаго характера, но за это-то именно и долженъ выше цѣнить ихъ всякій, кто вращался въ подобнаго рода работахъ.

Судя по наклонностямъ Горскаго къ детальнымъ изысканіямъ въ области источниковъ, можно было бы ожидать, что его лекціи по церковной исторіи окажутся сборникомъ мертвыхъ и сухихъ фактовъ, скопленіемъ цитатъ и выдержекъ изъ источниковъ. На самомъ дѣлѣ этого совсѣмъ не было. Горскій былъ не просто труженикъ, но труженикъ высоко даровитый, господствовавшій надъ изучаемымъ матеріаломъ. Правда, онъ принадлежалъ къ числу историковъ—объективистовъ, старающихся прежде всего о твердой установкѣ фактовъ, а не о разъясненіи ихъ съ точки зрѣнія какой-либо идеи, не о выведеніи законовъ исторической жизни, но, какъ серьезный и высоко-талантливый историкъ, онъ цѣнилъ фактъ не самъ по себѣ, а какъ показатель внутреннихъ отношеній и явленій, какъ обнаруженіе скрытыхъ теченій прошлой жизни. „Церковная исторія, говорилъ Горскій, не должна собирать только факты, но проникать во внутреннюю между ними связь, извлекать идеи факта изъ самаго факта“. Его лекціи были, поэтому, осмысленнымъ комментариемъ къ источникамъ, а не механическимъ повтореніемъ и не компиляціей ихъ. Послѣднихъ недостатковъ у Горскаго не могло быть уже только въ силу той возвышенной религіозной точки зрѣнія, съ какой онъ смотрѣлъ на свой предметъ. Онъ глубоко любилъ свою науку, весьма высоко цѣнилъ ее и говорилъ о ней не иначе, какъ съ религіознымъ одушевленіемъ. Въ исторіи Церкви онъ видѣлъ наиполнѣйшее обнаруженіе „идеи существа Безконечнаго“, „домъ этой идеи“. „Церковная исторія, говорилъ онъ, представляетъ Бога въ самомъ ближайшемъ отношеніи къ человѣчеству и человѣка въ самомъ высочайшемъ изъ его стремленій. На сколько выше въ человѣкѣ религіозное стрем-

леніе всякаго другого, на столько превосходить и исторія его другія“. Этотъ возвышенный взглядъ на церковную исторію, въ связи съ живымъ религіознымъ чувствомъ, наполнившимъ Горскаго, привелъ его къ весьма своеобразному пониманію церковно-исторической жизни, Горскій выработалъ свою оригинальную философію церковной исторіи: онъ разсматривалъ жизнь Церкви, какъ обнаруженіе дѣйствій трехъ Лицъ Св. Троицы, при чемъ для дѣятельности каждаго Лица указывалъ особую группу фактовъ. Такъ, въ призваніи народовъ, т. е. распространеніи христіанства и сопутствовавшихъ ему явленіяхъ, какъ-то гоненіяхъ, мученичествѣ, апологетикѣ и т. д. онъ видѣлъ особое дѣйствіе Бога Отца, безъ воли Коего никто не приходитъ въ нѣдра Церкви. Во внутреннемъ руководствѣ Церкви, въ ея ученіи, богослуженіи и іерархическомъ управленіи онъ признавалъ особенное проявленіе ея Главы, Сына Божія, Который, какъ Пророкъ, открываетъ (въ ученіи Церкви) истинное Богопознаніе, какъ Первосвященникъ (въ богослуженіи) даруетъ средства освященія и, какъ Царь (чрезъ іерархію) управляетъ тѣломъ Церкви. Направленіе же христіанской жизни къ осуществленію идеаловъ, заповѣданныхъ Евангеліемъ, и учрежденія, сему способствующія, напр., монашество, онъ считалъ особенною областью Духа Святаго. Въ этомъ воззрѣніи на главнѣйшія явленія церковно-исторической жизни, конечно, нельзя не замѣтить нѣкоторой доли мистицизма, но любопытно, что этотъ мистицизмъ ни мало не препятствовалъ Горскому въ изученіи самыхъ явленій стоять на почвѣ научной, критической. Онъ прямо заявлялъ, что церковная исторія подлежитъ общимъ законамъ исторической истины и должна пользоваться источниками только достовѣрными. Поэтому, онъ всесторонне и внимательно обсуждалъ въ своихъ лекціяхъ вопросы, рѣшаемые въ наукѣ неодинаково, и какъ ни велико было его уваженіе къ церковному преданію, онъ отказывалъ ему въ довѣрїи, если оно не выдерживало критики какъ напр. исторія семи отроковъ, спящихъ въ Ефесѣ. При широкомъ богословскомъ умѣ и глубокихъ познаніяхъ, Горскій обладалъ и прекрасными преподавательскими способностями. Его простая, спокойная рѣчь, въ которой онъ преподавалъ свои свѣдѣнія, возвышалась до лирическаго пафоса, когда онъ говорилъ о предметахъ, осо-

бенно его восторгавшихъ, наприм., о монашествѣ, первомъ вселенскомъ соборѣ и т. д. „Въ самомъ голосѣ и произношеніи его, воспоминаеть о немъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ его учениковъ (Д. Ѳ. Голубинскій), было что-то необыкновенное, сильно дѣйствовавшее на душу... Передавая намъ событія изъ исторіи Церкви, онъ умѣлъ возбуждать и насъ къ собственнымъ плодотворнымъ изслѣдованіямъ“.

Таковъ былъ первый церковный историкъ въ нашей Академіи.—Сопоставляя, съ одной стороны, основательныя познанія Горскаго въ области церковной исторіи, его высокую талантливость и примѣрное трудолюбіе,—съ другой, незначительное количество оставшихся послѣ него печатныхъ трудовъ по этой наукѣ, невольно наталкиваетесь на вопросъ, какъ должно смотрѣть на эту литературную малопродуктивность даровитаго ученаго? Была ли она результатомъ намѣреннаго отреченія Горскаго отъ печатной славы или вызывалась внѣшними, случайными и сторонними обстоятельствами? Разумѣется, въ Горскомъ, всю жизнь прожившемъ съ перомъ въ рукахъ, предполагать какую-либо сознательную антипатію къ литературной дѣятельности трудно, а потому и объясненія указанной его малопродуктивности надо искать въ другой сферѣ явленій. Мнѣ случилось слышать и встрѣчать въ печати такого рода соображеніе, что вынужденный прочитывать всю исторію Церкви—въ томъ объемѣ, какой она имѣла въ его время,—Горскій не успѣвалъ обрабатывать свои лекціи до степени, пригодной для печатнаго опубликованія. Его лекціи, говорятъ, были не учеными работами, а уроками, имѣвшими въ виду задачи не науки, а обученія. Я позволю себѣ признать это объясненіе не вполне достаточнымъ. Находилъ же Горскій время для составленія обширныхъ трудовъ и основательныхъ статей по русской исторіи. Находилъ онъ время и для редактированія различныхъ сочиненій по общей исторіи, печатавшихся въ его время въ академическомъ журналѣ, а это редактированіе иногда равнялось полной переработкѣ. Указанный мотивъ, конечно, имѣетъ свое значеніе, но онъ не объясняетъ всего.

Мнѣ думается, что отвѣтъ на поставленный вопросъ слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ обстоятельствахъ того времени, неблагопріятствовавшихъ для опубликованія уче-

ныхъ работъ по богословскимъ наукамъ. Вотъ что пишетъ о томъ времени покойный преосвящ. Никаноръ Херсонскій въ своихъ автобіографическихъ запискахъ: „разработка академической науки подвигалась слабо... Всѣ преподаватели Академіи боялись тогда выступить съ какой-бы то ни было самостоятельностью на попрощь богословской науки. Кіевскій митроп. Платонъ любилъ повторять, какъ ему, новопоступившему въ 30-хъ годахъ въ Академію профессору и инспектору, ректоръ внушалъ: Боже тебя сохрани писать что-либо отъ себя... Пугали обыкновенно Филаретомъ ¹⁾. Слова преосв. Никанора всего ближе приложимы къ церковно-исторической наукѣ. Эта наука слишкомъ тѣсными и разнообразными нитями связана съ наличнымъ строемъ вещей,—слишкомъ близко примыкаетъ къ настоящему, хотя и вращается въ области прошедшаго, и если условія, среди которыхъ мы живемъ, не могутъ быть названы вполне содѣйствующими ея развитію, то что же сказать о 30-хъ и 40-хъ годахъ, на которые падаетъ свѣжая пора ученой дѣятельности Горскаго? Каково было положеніе профессоровъ нашей Академіи въ эти годы,—о томъ мы узнаемъ изъ свидѣтельства другого знаменитаго современника, С. М. Соловьева, автора „Исторія русскаго государства“. „Даровитые преподаватели Московской Академіи, говоритъ Соловьевъ, были мучениками, какихъ не представляетъ намъ исторія человѣческихъ мученій. Филаретъ выжималъ изъ нихъ, изъ ихъ лекцій, изъ ихъ сочиненій всякую жизнь, всякую мысль, пока не превращалъ человѣка въ мумію. *Такою мумію сдѣлалъ онъ изъ Горскаго*, одного изъ самыхъ даровитыхъ и ученѣйшихъ между профессорами Академіи. Появится живая мысль у профессора въ преподаваніи, въ сочиненіи, Филаретъ вырываетъ ее, и чтобы отнять въ преподавателѣ охоту къ дальнѣйшему выраженію такихъ мыслей, публично позорить его на экзаменѣ, говоря: „это что за нелѣпность?“ (Рус. Вѣд. 96, № 158).—Въ словахъ Соловьева есть несомнѣнное преувеличеніе и очевидная враждебная настроенность къ Филарету, но столько же несомнѣнна и ихъ относительная правдивость. „Охранительное вліяніе Филарета,—

¹⁾ Изъ истор. уч. мов. Рус. Об., 96, I, 238, 239.

свидѣтельствуемъ наприм. такой почитатель его какъ П. С. Казанскій, проф. нашей Академіи, извѣстный историкъ и другъ Горскаго,—слабо поощряло мысль, мѣшало сформировываться выработаннымъ взглядамъ, какому-либо устойчивому отношенію къ научнымъ вопросамъ“ (Богосл. Вѣстн., 1900, нояб.). Самъ Горскій хорошо подтверждаетъ это положеніе дѣла, рассказывая въ своемъ дневникѣ о слѣдующемъ фактѣ.—Шель публичный экзаменъ по общей церковной исторіи въ присутствіи Филарета, и одинъ изъ студентовъ долженъ отвѣчать на тему „о распространеніи и умноженіи христіанства послѣ апостоловъ до Константина“. Отвѣчалъ онъ по лекціямъ Горскаго и свою отвѣтную рѣчь началъ изложеніемъ причинъ, вызвавшихъ гоненія на христіанъ. Но здѣсь то и лежалъ камень преткновенія; справедливо видя въ гоненіяхъ особое дѣйствіе Промысла Божія, Филаретъ не хотѣлъ признавать рядомъ съ нимъ вліянія какихъ бы ни было естественныхъ причинъ кромѣ развѣ „языческаго суевѣрія“. И вотъ вмѣсто студента публичному экзамену былъ подвергнутъ самъ профессоръ, и не смотря на достаточно удовлетворительные отвѣты его, ставшіе теперь азбучной истиной, результатъ получился для него не особенно утѣшительный. Выслушавъ объясненія Горскаго, митрополитъ замѣтилъ: „послѣ этого будутъ оправдывать всѣхъ гонителей христіанства; они дѣйствовали по законамъ, какъ недавно одинъ жидъ доказывалъ, что смерть І. Христа произнесена по всей справедливости законовъ“. — Еще разъ спросимъ: если въ такомъ сравнительно невинномъ вопросѣ, какъ вопросъ о причинахъ гоненій, профессору и притомъ внутри Академіи приходилось выдерживать „длинный диспутъ“, то чего же нужно было ожидать, если бы онъ выступилъ съ печатной статьёй касательно болѣе важныхъ матерій? Неудивительно, поэтому, если Горскій, отличавшіійся къ тому же необыкновенно скромнымъ характеромъ, не только не осмѣливался пускаться въ опасное море писательства по церковной исторіи, но и въ отношеніи къ такимъ близкимъ людямъ, какъ Филарету Гумилевскому справки по щекотливымъ вопросамъ давалъ не иначе, какъ только на латинскомъ языкѣ, (какъ наприм. вопросъ о древности двоеперстія). Не случайнымъ, думается, было также и то обстоятельство, что Филаретъ Гумилевскій свою книгу

объ отцахъ Церкви, написанную еще въ Академіи, издалъ тогда, когда онъ занялъ самостоятельную архіерейскую кафедру и почувствовалъ себя болѣе независимымъ.

Опускаю рѣчь объ Іоаннѣ Митропольскомъ, теперешнемъ епископѣ Аксайскомъ, занимавшемъ церковно-историческую кафедру послѣ Горскаго въ теченіи семи лѣтъ, сочиненіе котораго о вселенскихъ соборахъ я всетаки долженъ упомянуть, и перехожу къ тому церковному историку и профессору, мѣсто котораго я теперь занимаю, къ А. П. Лебедеву. А. П. былъ для меня не только предшественникомъ, но и учителемъ въ широкомъ смыслѣ слова: поэтому, если бы мнѣ предстояло сейчасъ нарисовать полную картину профессорской и ученой дѣятельности А. П., то я долженъ былъ бы признать такую задачу трудной и во многихъ отношеніяхъ для меня невыполнимою. Къ счастью, моя теперешняя обязанность облегчена имъ же самимъ,—тою его послѣднею лекціею, которую, конечно, всѣ Вы хорошо помните и въ которой онъ далъ Вамъ основной очеркъ своей ученой автобіографіи. Мнѣ остается отмѣтить только значеніе А. П. въ общемъ ходѣ развитія церковно-историческихъ занятій въ нашей Академіи.

Въ лицѣ А. П.-ча наша наука дѣлаетъ еще разъ новый и весьма солидный шагъ. Крупные размѣры этого шага можно приблизительно представить себѣ, если обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Когда А. П., двадцать пять лѣтъ тому назадъ, вступалъ на учено-литературное поприще, церковно-историческая наука уже существовала: благодаря трудамъ Горскаго, она уже достаточно прочно была насаждена *внутри* нашей Академіи, но, закрытая стѣнами учебнаго заведенія, она еще робко ютилась въ этомъ своемъ питомникѣ, и если рѣшалась показываться на свѣтъ Божій, то не иначе, какъ въ видѣ руководства для благочестивыхъ разсужденій или въ видѣ сборника уроковъ благочестія. Наше общество и наша печать не знали объ этой наукѣ. Съ тѣхъ поръ прошло четверть вѣка,—и мы видимъ совершенно иную картину. Церковная исторія не только вышла изъ стѣнъ нашихъ учебныхъ заведеній, не только

сдѣлалась общественнымъ достояніемъ, но и пріобрѣла свою не широкую, правда, но зато солидную литературу, съумѣвъ вызвать похвалы даже у западныхъ ученыхъ, при помощи которыхъ она поднималась на ноги. Пустое мѣсто, оставшееся въ нашей богословской литературѣ при вступленіи А. П. на кафедру, наполнилось, и теперь русская церковно-историческая наука можетъ смотрѣть на себя самостоятельными глазами. Въ этомъ ростѣ нашей науки имя Лебедева занимаетъ *самое видное и почетное положеніе*. Цвѣтокъ, взлелѣянный Горскимъ въ тиши и при искусственныхъ условіяхъ учебнаго заведенія, онъ вынесъ наружу, на свѣжій воздухъ, и возрастилъ его въ цѣлое растение въ назиданіе и наученіе всѣмъ желающимъ.

Достиженію этого крупнаго результата А. П. способствовалъ прежде всего тѣмъ, что всегда высоко держалъ и держитъ знамя своей науки. И съ этой кафедры, и въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ онъ неустанно внушалъ убѣжденіе, которое должно быть воспринято всѣми, желающими работать въ его области, то убѣжденіе, что церковная исторія есть *наука* и что она не имѣетъ никакихъ побочныхъ цѣлей кромѣ научныхъ. Какъ ни элементарна эта истина, она, къ сожалѣнію, съ трудомъ поддается усвоенію со стороны общественнаго сознанія: противъ нея обычно выставляютъ слѣдующаго рода возраженіе: если церковная исторія должна поставлать себѣ исключительно цѣли научныя, которыя, какъ извѣстно, понимаются различно, то не грозитъ ли ей опасность увлечься примѣромъ протестантскаго богословія и встать наперекоръ интересамъ православнаго церковнаго сознанія? Вотъ какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ А. П.: „Основы православія, пишетъ онъ, такъ ясны, что погрѣшить противъ нихъ можно только сознательно. Для людей съ узкими воззрѣніями иногда можетъ представляться, что писатель православный отклоняется отъ началъ своей Церкви, но подобное воззрѣніе складывается именно вслѣдствіе того, что неясно различаютъ: что составляетъ сущность православія и что не составляетъ его сущности. Наприм. критика церковныхъ преданій, критика дѣйствій историческихъ лицъ, критика сочиненій, о происхожденіи которыхъ могутъ быть неодинаковыя сужденія— все это можетъ казаться для иного носящимъ протестант-

скую окраску. Но въ сущности православіе, какъ таковое ни чуть не страдаетъ отъ того, высказывается критика по указаннымъ вопросамъ такъ или иначе. *Оно не можетъ считать себя солидарнымъ со всеми преданіями, со всеми сужденіями, какія встрѣчаются въ практикѣ церковной; оно стоитъ выше фактической жизни Церкви и ничего не теряетъ, если бы въ этой фактической сторонѣ Церкви не все оставалось въ томъ видѣ, какъ это было раньше*“. — Для уясненія этихъ словъ я могу прибавить только то, что двѣ истины, — православная и строго-научная, — не могутъ быть въ противорѣчій между собой, и если бы какимъ-нибудь чудомъ историкъ пришелъ къ убѣжденію, что историческая истина не на сторонѣ его исповѣданія, то онъ нравственно обязанъ былъ бы отказаться отъ него.

Рѣшая въ указанномъ смыслѣ вопросъ объ отношеніи науки къ вѣроисповѣдной истинѣ, А. П. не видѣлъ и не могъ видѣть никакой опасности въ изученіи и пользованіи иностранной литературой. Въ томъ же сочиненіи, изъ котораго я привелъ выдержку, онъ говоритъ: „нельзя не пожелать, чтобы русская богословская среда слѣдила за развитіемъ науки на западѣ, знакомила съ ея лучшими произведеніями публику, переводила то, что заслуживаетъ вниманіе въ ней“. Это пожеланіе выполнено имъ самимъ, и въ этомъ состоитъ одна изъ существенныхъ сторонъ въ его заслугѣ предъ русской церковно-исторической наукой.

Въ своей неутомимой писательской дѣятельности онъ не только знакомилъ публику съ лучшими результатами выработанными на западѣ, но провѣряя и дополняя ихъ своими обширными знаніями, о которыхъ мнѣ нѣтъ надобности распространяться, далъ русской наукѣ рядъ самыхъ разнообразныхъ историческихъ сочиненій. Въ области общей церковной исторіи почти нельзя указать ни одной эпохи, которой онъ не коснулся бы своими произведеніями и не оставилъ бы замѣтнаго слѣда. Однимъ изъ первыхъ онъ обратился также къ греческому православному Востоку и въ этомъ указалъ спеціальную и плодотворную задачу для русской науки вообще.

А. П. всегда былъ и остается не только ученымъ, но и профессоромъ—популяризаторомъ своихъ знаній. Эта черта

его дѣятельности очень замѣчательна. Какъ историкъ, онъ одинаково далекъ и отъ мертваго буквоѣдства и философской заоблачности. Онъ обладаетъ рѣдкимъ даромъ не вдаваться въ крайности. Поэтому то его лекціи, и его сочиненія доставляютъ не только научную пользу, но и эстетическое удовольствіе. Раскрывая богатое содержаніе въ формѣ изящной, доступной для пониманія даже неподготовленнаго слушателя или читателя, онѣ будятъ мысль, насаждаютъ любовь къ церковно-исторической наукѣ. Поэтому то и періодъ профессуры А. П. въ нашей Академіи ознаменовался въ ней такимъ подъемомъ занятій въ области церковной исторіи, какой, дай Богъ, оставался бы въ ней и впередъ. Этимъ подъемомъ дорожилъ и самъ А. П. и не жалѣлъ для него трудовъ; ни для кого не тайна, что въ сочиненіяхъ, вышедшихъ изъ-подъ пера его учениковъ, многія добрыя стороны принадлежатъ именно его вліянію и руководству. Замѣчу еще, что и какъ личность, А. П. является высокоинтеллигентнымъ человѣкомъ, у котораго всегда и всему можно поучиться.

Переходъ А. П. въ другое учебное заведеніе есть безъ сомнѣнія весьма существенная потеря для нашей Академіи. Къ счастью эта потеря не есть потеря для русской церковно-исторической науки вообще. А. П. ушелъ изъ Академіи, но не взялъ отъ насъ безвозвратно, и мы можемъ быть увѣрены, что и на новомъ поприщѣ своей дѣятельности онъ время отъ времени будетъ помогать людямъ, продолжающимъ его дѣло.

Заканчивая свою лекцію, я обращаюсь къ самому себѣ. Занявъ кафедру украшенную столь блестящими въ исторіи нашей Академіи именами, я вполнѣ понимаю трудность предлежащей мнѣ задачи. Эта трудность для меня увеличивается еще тѣмъ, что мнѣ приходится смѣнить здѣсь А. П. при обстоятельствахъ не совсѣмъ обычныхъ, въ срединѣ учебнаго года. Мнѣ приходится читать свои первыя лекціи въ то время, когда въ вашей памяти еще звучатъ послѣднія слова А. П. Вслѣдствіе этого я подвергаюсь опасности постоянно быть сравниваемымъ съ ученымъ, сравненіе съ

которымъ вообще не безопасно. Но я буду надѣяться, что когда настанетъ время и мнѣ разставаться съ этой аудиторіей, я разстанусь съ такой же, какъ А. П., радостной увѣренностію, что и я сдѣлалъ все, что могъ и что тѣ люди, которые займутъ на этихъ скамьяхъ Ваше мѣсто, проведутъ меня съ такимъ же сочувствіемъ, съ какимъ Вы провожали моего Предшественника.

Ан. Спаскій.
